

«Нашествие двенадцати языков»: война 1812 года глазами солдат-иностранцев «Великой армии»

Н.А. Копылов

Статья раскрывает особенности участия в войне 1812 европейских солдат, которые были частью армии императора Наполеона. На основе документов личного происхождения раскрывается восприятие событий кампании 1812 г. офицерами и солдатами иностранного происхождения, входившими в состав «Великой армии».

Кампания 1812 г., как часто называли Отечественную войну 1812 г. офицеры и солдаты «Великой армии» императора Франции Наполеона I Бонапарта, оставила огромный след в европейском мемуарном наследстве. Почти каждый участник похода в Россию, выживший в тяжелейших условиях войны, старался донести до современников и потомков все то, что пришлось ему увидеть и пережить в течение полугода, с июня по декабрь 1812 г.

На рассвете 12 (24) июня 1812 г. без объявления войны «Великая армия» под командованием императора Франции, короля Италии, протектора Рейнской конфедерации, медиатора Швейцарской конфедерации Наполеона I форсировала пограничную с Российской империей р. Неман. Началась Отечественная война 1812 г., получившая в отечественной историографии название «нашествия двенадцати языков». Императорская армия действительно была многонациональной. 38 европейских стран, находившихся в союзнических отношениях или в прямой зависимости от Франции, выставили свои контингенты для войны с Россией.

В составе «Великой армии» существовали не только отдельные полки и батальоны, состоявшие из иностранных солдат, но даже целые дивизии и корпуса. В состав 3-го корпуса маршала Нея, помимо португальского контингента, входила 25-я

дивизия из войск Вюртембергского королевства под командованием генерала Маршана; 4-й корпус вице-короля Италии принца Евгения Богарне наполовину состоял из итальянских войск; в 5-й корпус князя Юзефа Понятовского входили польские полки; 6-й корпус дивизионного генерала Гувиньона Сен-Сира Лорана был представлен баварскими частями; 7-й корпус дивизионного генерала Ренье был саксонским; 8-й корпус генерал-полковника Андоша Жюно – вестфальским, а 10-й корпус маршала Макдональда – прусско-польским и т.д. Такой многонациональный состав «Великой армии» оказал большое влияние на развитие мемуаристики 1812 г.

Сейчас, по прошествии двухсот лет, после введения в научный оборот огромного массива документов, в том числе и личного происхождения, можно говорить о национальном восприятии кампании с точки зрения генералов, офицеров и солдат «Великой армии». Авторы воспоминаний находились в зависимости не только от своего чина и положения в армии, принадлежности к тому или иному полку и корпусу, но и национальных особенностей. Можно выделить французский, немецкий, польский, австрийский, итальянский, швейцарский взгляды на войну. Также многочисленный пласт мемуарного наследия этой эпохи интересно будет разделить по принципу театра военных действий, на которых пришлось жить и воевать авторам.

Копылов Николай Александрович – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: n@mail.ru

■ 2012 – Год российской истории

С этих позиций следует обратить внимание на анализ документов личного происхождения участников войны 1812 г., входивших в состав 2-го и 9-го корпусов «Великой армии», действовавших на северном – петербургском направлении под командованием маршалов Николая-Шарля Удино и Клода-Перенна-Виктора. Данные соединения привлекают внимание не только масштабом участия в кампании, но и сравнением с остальными дивизиями и корпусами французского императора. 9-й корпус играл роль стратегического резерва императора Наполеона и вступил в пределы России лишь в конце августа 1812 г. 2-й корпус изначально был выделен для действий на северном направлении, поэтому играл несколько второстепенную, но важную роль в стратегическом плане Наполеона.

К моменту прибытия 9-го корпуса на театр военных действий в его рядах состояло 33 тыс. человек при 80 орудиях¹. Состав корпуса был, наряду с небольшими французским и польским контингентами, представлен выходцами из германских земель Бадена, Берга, Саксонии. Каким образом они очутились так далеко от своих родных очагов, что заставило их вступить под знамена наполеоновской армии и бросило в горнило войны?

Войны антифранцузских коалиций и дипломатия революционной, а затем императорской Франции привели к перекройке политической карты Европы. Прежде всего это коснулось германских земель, различными способами вошедших в состав империи Наполеона I. Изначально герцогство Баденское возникло в 1771 г. при слиянии Баден-Бадена и Баден-Дурлаха, разделенных в эпоху Реформации. Маркграфом нового герцогства стал Карл-Фридрих (1728–1811). В период кампаний эпохи Французской революции Баден поставлял свои войска в армии антифранцузской коалиции, но масштабы боевых действий и значительные потери привели к тому, что он быстро истощил свои резервы.

Договор в Кампо-Формио, подведший итог 1-й коалиции, отдавал левый берег Рейна Франции, и германские правители, понесшие территориальные потери, начали дискуссию в палате Имперского совета относительно компенсации в виде передачи им территории некоторых епископств. Однако очередное поражение Австрии при Маренго (1800) и последовавший за этим Люневильский мирный договор (1801) заставили многих властителей немецких княжеств и герцогств перейти на сторону победившей Франции. В октябре 1805 г. Баден подписал мирный договор с новой Французской империей, приобрел часть швабских земель и скрепил свои отношения с Францией путем заключения в 1806 г. брака Карла-Людвига, внука и наследника Карла-Фридриха, со Стефанией де Богарне, племянницей императрицы Жозефины².

В отличие от Бадена, Великое герцогство Берг представляло собой искусственное образование, учрежденное Наполеоном в качестве своеобразной «буферной зоны» между Францией и Пруссией. В состав Берга вошли бывшие прусские территории Клеве и Везель, а также бывшие баварские Ансбах

и Берг – вместо них к Баварии отошли близлежащие земли, принадлежавшие другим германским государствам³. Словом, Берг стал порождением политической беспринципности императора французов и первой попыткой создать матримониально-вассальную систему, которая потом легла в основу императорской политики. Первоначально Великое герцогство Берг было отдано Иоахиму Мюрату, женатому на сестре Наполеона. После того как Мюрат получил неаполитанский трон, герцогство отошло племяннику Наполеона – Наполеону-Луи, сыну голландского короля Луи Бонапарта. Поскольку Наполеон-Луи был еще слишком молод, реальную власть от его имени осуществлял уполномоченный, назначенный самим императором.

Что же касается Саксонии, то она традиционно находилась в лагере противников Франции. Саксонские курфюрсты вели политику балансировки между Пруссией и Австрией, поддерживая то одну, то другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры. Саксонские полки сражались против революционной Франции, а в кампании 1806 г. в союзе с Пруссией потерпели поражение от наполеоновских ветеранов. Разгромив пруссаков, Наполеон предпочел сделать ставку на Саксонию как возможный противовес Пруссии. Статус Саксонии был повышен до уровня королевства, ее прежние связи с Великим герцогством Варшавским были восстановлены. Теперь Саксония была готова вступить в войну как лояльный сторонник Франции⁴.

Войдя в орбиту французской империи, германские княжества должны были включать свои воинские контингенты в состав наполеоновской армии. Здесь наглядно проявилась разница между новой военной машиной Франции, основанной на революционных и буржуазных принципах, и феодальной, опиравшейся на сословную традицию и принцип наемничества. Так, увеличение баденской армии означало, что отныне следовало предоставить возможность службы в ней не только аристократии, но и представителям средних классов. Для этого военную службу следовало сделать привлекательной не только для прежнего «пушечного мяса» – неумелых, беспомощных и безземельных, но и для уверенных в себе, грамотных крестьян, а также людей, помышляющих о карьере. В конечном итоге это удалось. Баденцы заслужили репутацию отважных и надежных солдат. При отступлении от Москвы баденская бригада осталась одной из немногих, не бросивших свои орудия.

Молодое герцогство Берг не имело серьезных военных традиций, и поэтому офицеры в армию набирались различными путями – в основном пруссаки и различного рода авантюристы. Невозможность формирования сколько-нибудь заметного офицерского состава из собственных граждан преследовало Берг на протяжении всей его истории. Офицеры же, бывшие в наличии, не имели никакой связи ни со страной, ни с солдатами, которыми они командовали, и в результате дисциплина в армии была не на высоте.

Саксонская армия 1806 г. состояла из добровольцев, или, точнее, из членов общества, не спо-

собных заработать на хлеб иным путем. Поскольку роты принадлежали их командирам, вся «экономика» (например присвоение жалованья фиктивно состоящим на службе, плата за предоставление дополнительных отпусков) рассматривалась как личный доход. От солдат требовались только послушание и умение выполнять строевые приемы, а в унтер-офицеры могли вывести только долгие годы службы и покорность. Ситуация изменилась в 1811 г. Призыв на военную службу повысил качество солдат. Отмена цеховых привилегий и высвобождение большого количества подмастеров обеспечили приток в армию более толковых людей. Продвижение по службе стало возможным благодаря личным качествам, а это означало, что способные и честолюбивые получали возможность стать уважаемыми людьми.

В ходе реформ, проведенных по французскому образцу, вышедшим в отставку по возрасту или ранению солдатам полагались государственные гарантии. Согласно им, отставнику предоставлялась какая-либо должность или же пенсия в размере десятой части солдатского жалованья. В целом можно считать, что по уровню боевой подготовки и личным качествам германские полки несколько уступали французским, видимо, поэтому император Наполеон предоставил 9-му корпусу маршала Виктора роль стратегического резерва. Корпус вступил в пределы России в конце августа 1812 г. расположившись в Смоленске, он охранял коммуникации «Великой армии» и не принимал участия в сражениях кампании.

Что же касается 2-го корпуса, то участие швейцарских солдат, входивших в его состав, в войне 1812 г. стало единственным случаем встречи жителей горной страны с русскими на поле боя. Данный факт интересен не только своей уникальностью, за ним стоит многовековая традиция военной службы жителей швейцарских кантонов европейским монархам, лучшие черты которой проявились на просторах России в 1812 г. Впервые Европа услышала о швейцарских полках в начале XIV в., когда объединенные силы кантонов Швиц, Ури и Унтервальден подняли восстание против гнета австрийских эрцгерцогов. Горная страна выставяла великодушных, неприхотливых и выносливых солдат. Прекрасно используя условия местности и плотное колонное построение, швейцарцы одержали громкие победы над войсками австрийских эрцгерцогов и императора «Священной Римской империи германской нации» при Моргартене (1315), Лаупене (1339) и Земпахе (1389), добившись фактического признания своей независимости. «Войны швейцарцев XIV–XV вв. способствовали формированию и укреплению их военной организации. ... Были приняты постановления, согласно которым каждый житель кантона должен был иметь хорошее вооружение и по первому требованию выступать в поход. ... Не подлежащие явке следовали за войском в качестве резерва. ... Большое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. В бою воины обязаны были точно соблюдать приказы своих начальников. Паникера или дезертира соседний

воин был обязан заколоть. В аррьергарде выделялось несколько воинов, обязанных убивать на месте всех, нарушавших боевой порядок»⁵.

Желая извлечь максимальную выгоду из сотрудничества с кантонами и тем самым лишить императора, папу и других европейских государей поступления резервов хорошо подготовленных солдат, Людовик XI Валуа в 1474 г. прибег к заключению письменного договора (капитуляции) со Швейцарией о порядке найма на французскую службу ее уроженцев⁶. Именно он послужит отправной точкой в четырехсотлетнем сотрудничестве Франции и Швейцарии на военном поприще. На его основе будут разрабатываться все последующие договоры о найме швейцарцев на королевскую и императорскую службу и подтверждаться их права и привилегии.

По договору 1474 г. король Людовик XI обязывался платить ежегодно 20 000 франков договаривающимся кантонам, уравнивать в правах швейцарцев и французские ордонансовые роты. За это швейцарцы обязаны, если король ведет войну и требует помощи, доставлять ему вооруженных людей, с тем, чтобы они получали от него жалованье по 4 1/2 гульдена⁷ в каждый месяц⁸. Швейцарцы строго соблюдали условия договора. В сражениях при Грансоне (1476) и Нанси (1477) они сполна отработали заплаченные им деньги. Бургундская армия была разгромлена наголову, а герцог Карл Смелый, главный противник Людовика, погиб. Бургундские земли вошли в состав Франции. Именно с этого момента и зарождается традиция постоянного найма швейцарцев на французскую службу. «Швейцарцы, подобно всем горцам, – прекрасные солдаты, если они вымуштрованы; где бы они ни служили в качестве регулярных войск под чужими знаменами, они сражались очень хорошо. Однако они не отличаются быстрой сообразительностью, и для того чтобы у них появилась уверенность в своих силах и чувство спайки, они нуждаются в более длительном обучении, чем, например, французы или немцы Северной Германии», – отметил известный военный историк Ганс Дельбрюк⁹.

За административные и уголовные проступки швейцарцы несли ответственность только перед собственными судьями, судивших провинившихся по швейцарским законам и обычаям, находясь вне французской юрисдикции. В качестве судий выступали офицеры-швейцарцы, составлявшие трибунал по личному указанию капитан-полковника. Рота швейцарцев принимала активное участие в кампаниях французских королей во время Итальянских войн (1494–1559 гг.) под знаменами Людовика XII и Франциска I. В знаменитом сражении французской армии против войск Священной Римской империи при Павии (24 февраля 1525 г.), когда король Франциск I попал в плен, рота швейцарцев была почти полностью уничтожена, защищая монарха. Знаменитая дворцовая рота швейцарцев комплектовалась из числа самых достойных солдат полка швейцарской гвардии. Поскольку и в полк отбирались далеко не худшие представители кантонов, рота являлась элитным подразделением,

■ 2012 – Год российской истории

как того и требовал ее статус в «Табели о рангах» Королевской гвардии¹⁰. Впоследствии король Людовик XIII учредил должность генерал-полковника королевских швейцарцев. Данный пост, как правило, занимали члены королевской семьи или принцы крови.

Другая гвардейская часть – полк Швейцарской гвардии – была создана 12 марта 1616 г. приказом короля Людовика XIII (1610–1643). Он состоял из 13 рот. Двенадцать комплектовались уроженцами строго определенных кантонов, а тринадцатая, так называемая генеральная, – из самых отборных рекрутов всех кантонов. Полк покрыл себя неувядаемой славой практически во всех войнах, которые вела Франция на протяжении XVII–XVIII вв. Швейцарцы с отличием участвовали в 69 кампаниях, 152 сражениях и 29 осадах¹¹. Лебединой песней полка стала оборона королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г. от разъяренных французских инсургентов. Погибли более 600 человек. Восстановленный в 1814 г. полк просуществовал до июля 1830 г.

На протяжении трехсот лет службы швейцарцев королям Франции расширялись и их привилегии. При Людовике XIV на все швейцарские полки распространялись равные права с французскими частями. Жалованье швейцарца соответствовало королевской французской гвардии. Также они получили право обучать своих кадетов во французских военно-учебных заведениях. Кроме того, утверждалось право получения французского подданства после семи лет безупречной службы или вследствие тяжелых ранений или увечий на королевской службе. Особо следует отметить одну из важных привилегий: суд над провинившимися солдатами проводился только своими полковыми трибуналами. Суд проводился по швейцарским законам офицерами-швейцарцами. Французская юрисдикция и военное право на швейцарцев не распространялись¹².

Таким образом, к началу Великой Французской революции 1789 г. швейцарские полки приобрели целый ряд прав и привилегий, от которых они не собирались отказываться. Они полностью комплектовались уроженцами кантонов и находились под командованием своих офицеров. Трепетное отношение швейцарцев к своим правам и привилегиям стали легендой. Когда в 1521 г. французский король Франциск I не нашел средств рассчитаться со своими швейцарскими гвардейцами, они бросали оружие и ушли, спокойно заявив: «Нет денег, нет и швейцарца!» Данное выражение стало нарицательным. Зато не было ни одного сражения, в ходе которого швейцарцы бежали с поля боя. Они стояли до конца и неоднократно спасали разбитые французские полки от полного истребления. Так было при Неервиндене (1693), Гохштедте (1704), Мальплаке (1709), Фонтенуа (1745) и Россбахе (1757).

С падением Бурбонов служба швейцарцев под французскими знаменами прервалась, но, как оказалось впоследствии, ненадолго. Многочисленные войны, которые вела Французская Республика, а

затем и империя требовали все новых и новых резервов. В 1803 г. между Францией и Швейцарской конфедерацией был подписан новый оборонительный и военный договоры. Первый консул Наполеон Бонапарт объявлял себя медиатором (покровителем и защитником) Швейцарской конфедерации. В соответствии с военным договором Швейцария была обязана выставить на стороне Французской Республики, а с 1804 г. и империи, контингент в составе 16 тыс. человек. Франция брала все расходы по содержанию швейцарцев на счет своей казны. Они должны были составить четыре пехотных полка, не считая запаса в 4 тыс. человек и батальона гренадер, пригодных для гвардии.

Являясь дальновидным политиком и прагматиком, несмотря на свою авторитарность, Наполеон I прекрасно понимал, что нельзя ломать старые устои и традиции. Император восстановил должность генерал-полковника швейцарцев. С 1803 по 1809 г. ее занимал маршал Ланн, а после его гибели при Асперне в 1809 г. маршал Бертье принц Невшательский. В марте 1812 г. был заключен новый договор, дополнявший старый двумя пунктами. Швейцарское правительство обязывается заменять за свой счет дезертиров, по мере того как они появятся. Оно обязывалось не иметь никаких полков на службе у другой державы, а также принимать все средства убеждения и власти, чтобы возвратит в страну солдат, которые служат за границей¹³.

За период 1807–1812 гг. швейцарские полки воевали в Португалии и Испании, а в Отечественной войне 1812 г. приняли участие все четыре швейцарских полка, входивших в состав 9-й пехотной дивизии дивизионного генерала Мерля 2-го корпуса «Великой армии». В июне 1812 г. 2-й корпус маршала Удино, герцога Реджио, выполняя предписание императора, двинулся к Полоцку и форсировал Десну 14 июля без всякого сопротивления со стороны противника. Корпус наступал тремя эшелонами в направлении Себежа, имея в передовом охранении кавалерийскую бригаду Кастекса. В авангарде шла дивизия Леграна, за ней дивизия Вердье, а в арьергарде, охраняя корпусные обозы и артиллерийские парки, дивизия Мерля и кавалерийская бригада Корбино.

Лето 1812 г. запомнилось ветеранам похода неожиданно жаркой погодой. Русский климат постоянно упоминается на страницах воспоминаний и военных рукописей участников похода. «Нас изматывала нестерпимая жара, которая даже отдаленно не напоминала нам ту, что была в Испании. Унылый русский пейзаж, раскинувшийся на сотни лье, огромное количество болот и мелких речушек, отвратительные дороги, разбитые сотнями тысяч ног и копыт... Над маршевыми колоннами постоянно стоит плотное облако пыли, чрез которое не видно ничего на расстоянии пяти метров. Чтобы облегчить страдания наших молодцов, полковник приказал снять галстуки, расстегнуть воротники и повязать на лица платки. Все было тщетно. Вездущая пыль въедалась в наши поры, проникая в каждую клеточку организма... Натертые ранцами спины и плечи ныли нестерпимо. Многие

из наших сбили ноги. Отсутствие хорошей воды и скудное пропитание привели к болезням. Полк редел на глазах, но мы держались. За порядок нас даже похвалил генерал Амей, который проезжал мимо колонны. Обочины усеяны сломанными повозками, телами несчастных, умерших от истощения, и павшими лошадьми»¹⁴.

Верные своим воинским традициям, швейцарские солдаты отлично зарекомендовали себя в двух сражениях за ключевой пункт на петербургском направлении – город Полоцк, сражаясь против русского корпуса генерала П.Х. Витгенштейна. Описание первого Полоцкого сражения, составленное немецким историком к столетнему юбилею события, рисует действия швейцарцев следующим образом: «Солдаты в красных мундирах были воплощением твердости духа и стойкости среди царящей вокруг неразберихи. Они стояли молча, ожидая неприятельских кирасиров. Над их строем гордо реяли императорские орлы. По сигналу командиров, когда до неприятеля оставалось всего 50 шагов, они открыли батальный огонь. Вражеские всадники, неся потери, отхлынули на исходные позиции»¹⁵.

В своих мемуарах фурыер второго швейцарского полка Франсуа Минод так описывал второе сражение при Полоцке: «... эта честь, честь отстоять достоинство швейцарцев в самом горячем огне, обошлась нам дорого. На поле чести пало 400 наших товарищей. К концу этой тяжелой битвы в ротах полка оставалось в строю по 60–80 человек». Кровопролитные сражения за Полоцк стоили довольно дорого для обеих сторон. По данным Гая де Вернона, численность 2-го армейского корпуса сократилась до 8000–9000 боеспособных солдат и офицеров (6-я дивизия Леграна насчитывала 3400–3600 чел., 8-я дивизия Мэзона – 2600–3300 чел., 9-я дивизия Мерля – 2300–3000 чел., кавалерийская дивизия Думерка – 700–850 чел., кавалерийская бригада Кастекса – 300–350 чел.¹⁶ К этому времени (октябрь 1812 г.) отступающая от Москвы и терзаемая жутким климатом и постоянными нападениями летучих отрядов кавалерии и партизан «Великая армия» нуждалась в подкреплении.

По плану императора Франции корпуса Удино и Виктора должны были прикрывать отступление основной армии. В данной ситуации именно немцы Виктора должны были стать ударной силой, обеспечивая отход «Великой армии». Боевое крещение солдаты Виктора получили в октябре 1812 г., когда корпус был направлен на усиление войск маршалов Сен-Сира и Удино, участвовавших в боевых действиях на северном направлении в районе Полоцка. Уже здесь, при встрече с ветеранами русского похода, оказалась заметна разница в экипировке, состоянии и боевом духе солдат резерва и участниками сражений. Разительное отличие солдат 2-го и 9-го корпусов описал лейтенант Франц Кениг из 1-го швейцарского полка: «Мы похожи на чертей из преисподней. Вот уже несколько дней мы не бреемся. Наши лица покрыты щетиной и сажей от бивачных костров. Шинели у многих пострадали. Сержант Хайнц имел неосторожность заснуть возле костра и спалил себе шинель. На его спине

теперь красуется большая дыра. С продовольствием терпимо. У нас в достатке водки, сухарей, но практически нет мяса. Вчера на роту дали одну овцу, был большой праздник. Бедная кавалерия еле плетется по дороге. Кирасиры идут пешком, нагрузив на лошадей свое снаряжение. Наконец встречаемся с девятым корпусом. Боже, какие красавцы! Как будто с парада. Я видел баденскую бригаду. Она великолепно обмундированы и снабжены, на их сытых лицах нет и признака усталости»¹⁷.

После первых столкновений с русским авангардом корпуса генерала Витгенштейна Виктор начал отступление к главной операционной линии армии Наполеона. В итоге приказом императора его корпус превратился в арьергард «Великой армии» и должен был прикрывать от Витгенштейна направление на Борисов. Для солдат Виктора наступила очередь проявить себя в деле. Им выпала честь сыграть одну из главных ролей в сражении на р. Березина, оказавшимся эпилогом Отечественной войны. Именно Березина стала одним из главных объектов воспоминаний о походе в Россию, наряду со Смоленским сражением и Бородинской битвой. Дошедшие до Березины от стен русской столицы подробно пересказывают ужасы отступления по разоренной дороге и суровые природные условия. Типичную картину общего разложения армии рисуют в своих воспоминаниях германские офицеры, проделавшие нелегкий путь от русской границы до Москвы и обратно. Фон Иелин в «Записках офицера армии Наполеона» донес до нас следующее описание: «Наступил страшный голод, возраставший с каждым днем, так как по опустошенным дорогам ничего не оставалось и не было никакой надежды что-либо отыскать. Многие надеялись поддержать свои силы небольшим количеством сахара, пользуясь им с крайней расчетливостью; но и это средство скоро истощилось, и пришлось довольствоваться лошадиным мясом. Сперва начали убивать самых тощих лошадей, застреливая их на месте. ... Французы, прежде всего, вырезали лошадям языки, не добывая их окончательно. При этом отступлении нет ничего ужаснее тех зверств, которые люди совершали над людьми и животными. Собаки, следовавшие за армией, были все съедены, в том числе, должно быть, и моя. Однажды вечером, блуждая по окрестностям в поисках пищи, я увидел прекрасного белого пуделя. Мы с приятелем тотчас за ним погнались и живо с ним справились. Его мясо мы разделили поровну, и его нам хватило надолго. Когда оно было съедено, мы снова принялись за лошадиное мясо»¹⁸.

Насколько быстро проходила деградация остатков «Великой армии», хорошо видно из мемуаров подполковника 3-го Вестфальского пехотного полка Фридриха-Вильгельма фон Лоссберга: «Я и Хайнц из третьей роты были посланы за дровами. Взобравшись на небольшой пригорок, мы стали рубить кусты. В это время Хайнц толкнул меня в бок. «Смотри», – сказал он, указывая вперед. Я поднял голову и увидел жуткую картину, которая так и будет преследовать меня до самого смертного

часа. По дороге шла колонна скелетов, закутанных во всякое тряпье. Она шла медленно, шатаясь из стороны в сторону. Это страшное шествие возглавляла императорская гвардия. Цвет «Великой армии» держался за императором. За ними следовали остатки корпусов и брели толпы оставших. Многие выходили из колонны и падали без сил на снег. Через их тела переступали, и колонна безучастно шла вперед. Мой Хайнц, мой бедный Хайнц, с которым мы вот уже пять лет делим тяготы и радости службы, прошедший ад Португалии и Испании, рыдал, как ребенок»¹⁹.

С другой стороны, встреча солдат 9-го корпуса с колоннами «Великой армии» вызвало у них такой шок, что никто не смог пройти мимо этого момента в своих воспоминаниях и записках. Фельдфебель 1-го Баденского полка Штейнмюллер позднее вспоминал: «... в каком же виде была эта армия, называемая Великой! Все бежали вперемешку, без признака строя, без соблюдения хоть какой-нибудь дисциплины. Только вокруг знамен и «орлов» шли еще вооруженные люди; у остальных не было оружия, они кутались в лохмотья и меха»²⁰. К тому времени (ноябрь 1812 г.) 9-й корпус наряду с остальными частями наполеоновской армии познал тяготы и голод отступления. Генерал-майор граф Вильгельм Хохберг, наследный принц баденский, командир Баденской бригады 26-й пехотной дивизии отметил в своих записках следующее: «Я встретил около маленького города Неманицы обоз, состоявший из 44 фургонов, который еще в начале июля вышел из Карлсруэ и под командованием лейтенанта Хамеса вез значительное количество сухарей, кашицы и сапог. Прибытие этого столь важного в тот момент обоза привело все войско в самое лучшее расположение духа. В то время как армия страдала от недостатка пищи и обуви, мы лично были в изобилии снабжены самым необходимым. Я получил разрешение остановиться на дороге и сейчас же произвел дележку»²¹. Однако более тяжкие испытания ждали солдат впереди.

В сражении при Березине (14/26 – 16/28 ноября) корпус Виктора прикрывал переправу на левом берегу, сдерживая натиск войск Витгенштейна. По-разному запомнилось это событие его участникам. Оказавшийся в эпицентре событий, но не принимавший участия в сражении, Генрих Роос несколько раз пытался перебраться на спасительный правый берег реки: «Я сделал пять тщетных попыток переправы через Березину; каждый раз при этом я попадал в такую давку, что меня оттирали либо в сторону, либо вперед или назад, моста же я ни разу не достигнул; больше того, я даже не видел его, так что я и поныне удивляюсь, как я отделался без увечья, которое грозило там со всех сторон»²².

Первое, что бросалось в глаза, это были неразбериха и хаос, царящие на переправе из-за поломки одного из мостов, наведенных французскими саперами. Однако и при этом суровая русская природа не ускользала от взора сражающихся по обеим сторонам реки. Лейтенанту Луи Бего из 2-го Швейцарского полка так запомнилась ночь перед батальей: «Дул сильный, леденящий ветер; наши

люди прижимались друг к другу, чтобы согреться. Самые большие сосны задерживали снег, и под такого рода сенью страдали меньше. Наши караулы были на своем посту, а офицеры, большей частью прислонившиеся к деревьям, за всю ночь не сомкнули глаз, опасаясь какой-либо неожиданности. Наши размышления были далеко не радужными. Голод и жажда мучили нас; мы чувствовали, что на следующий день придется упорно сражаться»²³.

Штейнмюллер, переправляющийся на левый берег, успел отметить скромную красоту белорусской осени: «Наша дивизия Дендельса (26-я пехотная. – Н.К.) переправилась обратно на левый берег и построилась вместе с дивизией Жирара на высотах Веселова, прикрывая переправу от корпуса Витгенштейна. Снег падал густыми хлопьями и одел поля и леса белым покровом; ничего нельзя было разглядеть вокруг, кроме печальной картины полузамерзшей реки, мутные черноватые воды которой изгибами протекали по долине, прокладывая себе дорогу среди льдин»²⁴.

Граф Хохберг, командовавший в сражении бригадой и внесший значительный вклад в успех переправы, запомнил общую картину переправы: «Множество больных и раненых были сброшены прямо в реку, покрытую льдом. В это время не переставая падал густой снег. В конце концов мост провалился под тяжестью, и прошло много времени, прежде чем усталым и голодным саперам удалось его поправить»²⁵. «Не стоит описывать давки этой беспорядочной волны людей всех наций, притекавшей к мосту в ужасной неурядице», – лаконично бросает он напоследок.

Что же касается боевых действий, развернувшихся на левом берегу Березины, то они стали лебединой маршала Виктора и его солдат. Численное превосходство противника было подавляющим, что постоянно отмечали офицеры и генералы 9-го корпуса. «В начале похода 9-й корпус насчитывал 12 500 человек, но еще до Борисовского сражения в нем осталось всего лишь 3500 человек, включая кавалерийскую бригаду Делетра. У герцога Беллюнского (маршал Виктор. – Н.К.) было всего 5000 человек, которые едва могли держаться против армии Витгенштейна, имевшего, по крайней мере, 20 000 человек», – указывал впоследствии генерал Делетр²⁶.

Участники сражения навсегда запомнили превосходство русских в артиллерии, которое вполне сравнивали с рассказами о Бородинском сражении. Очевидец так описал действие русских канониров при Березине: «Бомбардировка не прекращалась. В лесу с шумом падали громадные деревья. Прибавьте к этому крики раненых и ужас тех, которые уцелели, при виде того, как падают сраженные ядрами их соседи; а потом падают и они сами в тот момент, когда считают себя уже вне опасности. Нужно самому видеть это ужасное зрелище для того, чтобы представить себе его»²⁷.

Сплошной артиллерийский огонь запомнился и фон Хохбергу, действовавшему в тот день на левом берегу во главе своей бригады: «В это время моя бригада попала в самую сильную перестрелку. Перестрелка в конце моего правого фланга все про-

должалась, и мне приходилось посылать помощь всякий раз этому батальону, когда он оставался без патронов. Капитан Вольдек, командовавший передней ротой моего полка, получил приказ запасть дополнительными патронами. Он подошел для этого к амуниционной повозке, стоявшей позади моей бригады, как вдруг ядро оторвало ему голову, и мы лишились очень храброго офицера. Немного спустя я видел, как одна граната убила лейтенанта Эля и, разрываясь, ранила 7 солдат, а другая оторвала ногу капитану Малеру – он прожил только до вечера. Около мостов происходили ужасные сцены. Ядра русских убивали одиноких отдыхающих солдат»²⁸.

Фельдфебель-баденец Штенмюллер видел происходящее из солдатских рядов, но он успел отметить и отчаянное положение обороняющихся, и удачные действия своего генерала фон Хохберга: «Русские теснили нас, несмотря на всю храбрость наших солдат, на все усилия вождей: в нашем корпусе было всего 6000 человек. Русские вскоре стали серьезно угрожать нам. ... Кавалерия производила энергичные атаки в надежде прорвать неприятельскую цепь, и граф фон Хохберг с такой решительностью ударил со своей Баденской бригадой на неприятеля, что тот отступил. ... Русские все время получали подкрепления и, подавляя нас численностью, оттесняли назад, так что наконец нам пришлось оставить позицию: в пылу сражения несколько ядер упало уже на мосты»²⁹.

Об ожесточенности батальона свидетельствует количество потерь в офицерском и генеральском составе, которое можно сравнить только с «генеральским», как его окрестили потомки, сражением на Москва-реке (французское название Бородинской битвы. – Н.К.). Убыль старшего командного состава отрицательно сказывалась на положении солдат 9-го корпуса и приводила к отступлению, а то и к бегству отдельных колонн. Яркой страницей дня 16/28 ноября 1812 г. была предпринятая маршалом Виктором в порыве отчаяния атака Бергской бригады на русские артиллерийские позиции. «Маршал Виктор отдал приказ генералу Дамасу атаковать с Бергской бригадой возвышенности, находящиеся перед ним. ... Генерал Дамас получил царапину в грудь, а генералу Гейтеру оторвало руку. Придя в беспорядок от этой неудачной атаки и теснимые неприятелем, бергские отряды отступили через лес; то же случилось и с колонной, служившей им поддержкой, она также обратилась в бегство, покинув позицию, которую занимала», – скупупулезно вел список потерь граф фон Хохберг³⁰.

Однако отчаянное сопротивление немецких полков вынудило Витгенштейна отказаться в этот день от решительных действий. Русские отряды ограничились только частными атаками и артиллерийским обстрелом. Баденцы, бергцы, саксонцы и поляки своими телами прикрыли переправу основных сил армии через Березину. Численное превосходство противника и большие потери заставляли их отдавать свои позиции одну за другой. «Почти весь Баденский гусарский полк погиб в этом столь славном для него сражении, и со мной пере-

шли Березину не более 50 кавалеристов. Храбрая гессенская легкая кавалерия разделила с ними их участь», – продолжал граф свой мартиролог³¹.

Большие потери при небольшом численном составе – вот еще один момент, проходящий сквозь все свидетельства немецких солдат о сражении на Березине. Для Штейнмюллера финал батальона запомнился страшным отступлением с позиций под покровом ночи: «Мы построились на снегу в каре, в котором в одну роту вошли солдаты разных частей. Так простояли мы несколько часов без еды и питья, – рассказывал впоследствии он. – Мы шли через горы трупов, по упавшим на них живым, загоразживавшим дорогу, и добрались наконец до моста, где все еще была большая давка. После того как мы перешли на другой берег, генерал Эбле (начальник саперов «Великой армии». – Н.К.) велел на рассвете зажечь мост, чтобы русские не могли его перейти»³².

Высший офицерский состав меланхолично подводил итоги кровавого дня. «Потери наши были велики. ... В Баденской бригаде насчитывалось 28 офицеров убитых и раненых. ... Убитых унтер-офицеров и солдат было более 1100 человек. Лейтенант Хелер, проверяя наличных вооруженных солдат, насчитал их только 900 человек. Полковник Жентиль из Бергской бригады доложил, что у него осталось лишь 60 человек, в дивизии Жирара было только 200 или 300 поляков, от двух саксонских полков оставались жалкие остатки, готовые растаять»³³.

Финальным аккордам сражения при Березине была переправа через реку, которую в течение двух дней защищали солдаты корпусов Виктора и Удино. В памяти очевидцев навсегда запечатлелась трагическая картина ухода некогда «Великой армии» из России. Разрушение мостов через Березину трагически отразилось на судьбах тысяч изможденных, обмороженных, потерявших человеческий облик солдат, так и не смогших достичь переправы. Генерал-баденец фон Хохберг зафиксировал в своих записках лаконичную, но полную драматизма картину: «Наступил день, но солдаты с усердием работали над разрушением мостов. Ужасное зрелище представляли многочисленные больные и раненые, оставшиеся на противоположном берегу, которые теперь должны были достаться неприятелю. Ни одно перо не может описать нашей скорби, когда мы увидели, что русские завладели левым берегом. Скажу, не преувеличивая, что более 10 000 солдат было забрано в плен. 40 орудий, большая часть генеральских экипажей и часть кассы остались на том берегу – добыча неприятеля была велика»³⁴.

Именно такими остались в воспоминаниях немецких солдат и офицеров разнервнившиеся на берегах небольшой белорусской реки события. Анализ письменных источников личного происхождения, оставленных 9-м корпусом, представляет перед исследователем короткую цепь событий, как бы в миниатюре представляющих общую картину похода «Великой армии» в Россию. Здесь и жаркое лето 1812 г., и отступление по замершим дорогам при резких перепадах температуры, и кровавое сражение, ставшее финалом трагедии

■ 2012 – Год российской истории

завоевателей. За короткий промежуток времени солдаты корпуса Виктора пережили целый спектр событий, поставивших их наравне с братьями из других корпусов. Следует отметить, что именно героизм и упорство наемных немецких солдат позволили императору Франции вывести остатки своих дивизий из России, избежав окружения и плена. Исходя из исторической действительности, стратегического и тактического планирования кампании 1812 г., следует отметить, что мемуарное наследие представителей иностранных полков на службе французской империи позволяют подроб-

нее восстановить освещение отдельных моментов эпопеи 1812 г. и, несомненно, ждут продолжения своего исследования.

Kopylov N.A. «Invasion Set of Languages»: War of 1812 by Eyes of Soldier's Foreigners of Great Army.

Summary: Article opens features of participation in war of 1812 European soldiers which were a part of army of emperor Napoleon. On the basis of documents of a personal origin the perception of events of campaign of 1812 officers and the soldiers of a foreign origin who were a part of Great army reveals.

Ключевые слова

Отечественная война, Березина, военные действия, отступление, воспоминания, Великая армия, полк, сражение.

Keywords

Patriotic war, Berezina, hostilities, retreat, memoirs, Great Army, regiment, battle.

Примечания

1. Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. Операция на р. Березина осенью 1812 г. или реабилитация адмирала Чичагова. М.: Рейтар, 2001. С. 228.
2. Майкл Оливер, Ричард Партридж. Армия Наполеона. М., 2005. С. 177-179.
3. Там же. С. 206.
4. Там же. С. 293.
5. Разин Е.А. История военного искусства. СПб. 1994. Т. 2. С. 452-453.
6. de Sellen J. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. Paris. 1891. P. 8.
7. Первоначально гульденом назвали золотую монету, чеканившуюся в Германии с XIV века в подражание золотому флорину.
8. Domanje F. Les droits et les privilèges des parties étrangères à "l'ancien régime". Paris. 1879. P. 29-33.
9. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб. 2001. Т. 4. С. 46.
10. Чиняков М.К. Королевская гвардия Франции // «Воин». № 9. 2001. С. 27.
11. Васильев А.А. Честь и верность. Швейцарские гвардейцы при защите французского королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 года. // «Армии и битвы». №1. 2002. С. 20.
12. Rode A. La justice militaire de Louis XIV. Paris. 1838. P. 87-94; J. de Sellen. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. Paris. 1891. P. 32-35.
13. Chapter I. The History and Organization of the Swiss in the Service of France 1789-1815. London. 1975. S. 6.
14. Hellmüller C. Die roten Schweizer 1812. Bern. 1912. P. 42.
15. Hellmüller C. Die roten Schweizer 1812. Bern. 1912. S. 51.
16. Gay de Vernon J. Le marechal Oudinot, duc de Reggio et ses fils. Paris. 1861. s. 223-224.
17. Bodinger M. Die schweizer im russischen Feldzuge von 1812. // Historische zeitschrift. München. 1869. Bd. 2. S. 217.
18. Фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 12-14.
19. Bodinger M. Die schweizer im russischen Feldzuge von 1812. // Historische zeitschrift. München. 1869. Bd. 2. S. 223.
20. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. III. М.: ГПИБ, 2012. С. 204.
21. Там же. С. 207-208.
22. Роос Генрих. Указ. соч. С. 259.
23. Begos L. Souvenirs des campagnes. Lousanne. 1859. S. 164-165.
24. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. III. М.: ГПИБ, 2012. С. 251.
25. Там же. С. 284.
26. Французы в России.... С. 284.
27. Begos L. Op. cit. P. 174.
28. Французы в России.... С. 286.
29. Там же. С. 252.
30. Там же. С. 287.
31. Там же. С. 288.
32. Там же. С. 252.
33. Васютинский А.М и др. Французы в России в 1812 году по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч.3. М., 1912. С. 195.
34. Французы в России.... С. 290.